

Пресли Элвис
(25 лет назад умер)

19.8.22

18

наши даты

Новая газета. — 2002. —
— 19 авг. — с. 18

ВКУС ИСТАЯВШЕГО ШОКОЛАДА

25 лет назад умер Элвис Пресли

К пожилым годам он превратился в пародию на самого себя. Обрюзгший, сытый, пьяный — весь, как подтаявший шоколад (да еще и с ликерной начинкой). Ну не знаю, таким он мне, наоборот, ближе и понятнее. Такими становятся они все, конфетные юнцы, слишком рано познавшие успех и всеобщее обожание.

Черно-белые кадры выглядят менее реальными — такая себе псевдодокументальная хроника: юный Элвис идет в армию, юный Элвис позирует с близкими, юный Элвис склоняется над микрофоном в студии, юный Элвис гуттаперчево изгибается на сцене. Этот юный Элвис, олицетворявший собой плебейский вариант рок-н-ролла, — неправда. Правда — в цвете. Старейший Элвис, одурманенный наркотиками и вряд ли что-то соображающий, отбивающийся от сумасшедших поклонниц и судебных исков, вяло обнимающий микрофон на сцене переполненного стадиона, — вот настоящий рок-н-ролл, совсем даже и не плебейский. Плейбейский.

Ему не нужно больше выплясывать на сцене, ошеломляя резкими движениями обезумевшей марионетки. Теперь ему достаточно лишь усталого небрежного жеста, легкого наклона штатива — и зал буквально стонет: идол пошевелился, король посмотрел на тебя. Его богатство — голос — осталось при нем. Голос с привкусом шоколада, и сегодня мучающийся грустью. «Лав ми тендер». И мы «лав».

В годы своей поздней, двусмысленной славы он носил белые клеши, немислимые пояса, высокие каблуки, весь в блестящих, с обнаженной волосатой грудью... и бакенбарды казались накладными, может, и были накладными... Все — слишком, все — чересчур. Настолько чересчур, что не может быть правдой, но это и есть правда. Он пах потом, именем парфюмом и виски — словом, источал запах поражения, несмотря на весь свой видимый успех.

Он только не понимал, что лучше достойно и красиво стареть, обретая, наконец, значительность черт, чем быть юной сладкой конфетой, — и страдал, старея.

Его поклонницы становились старше, старились вместе с ним, но чувствовали себя юными безумными свистушками, когда он пел что-то такое о любви... А потом их дочки подходили к нему и говорили, что тоже любят, а его тошнило, потому что при этом они говорили о своих матерях, о годах, о времени, о неумолимости и быстротечности, не понимая, что кощунствуют...

Конечно, он мог бы избежать этого кошмара — как Мерилин, к примеру, но не решился. Он в тоске предпочел алкогольное старение, но наравне с Мерилин остался самой копируемой в истории звездой. Парадокс, но многочисленные сумасшедшие клоны копируют его именно таким, стареющим. В темных очках, с густыми бакенбардами, с оплывшим телом, особенно заметным в его фирменной облегающей одежде. Они маскируются под него — и это легко, потому что он сам маскировался, прячась от

старости, и выбрал совершенно шпионский имидж.

Элвис — торговая марка. Элвиса достаточно, чтобы создать образ, смоделировать ситуацию. Грамотный мужчина знает это и мудро использует — и Элвис бросает ответ на коллегу-соблазнителя, когда тот, одетый немного небрежно и уж точно неофициально, наливает ликерчику (попробуйте-ка попить под Элвиса что-нибудь несладкое!), приглушает свет и ставит кассету все с тем же «Лав ми тендер». А дальше — беспронгрышные «мы с женой давно живем раздельной жизнью, она — чужой человек, не понимает меня, дети выросли и разлетелись, я никому не нужен, как жаль, что мы встретились так поздно, чего бы я не дал, чтобы начать все сначала, теперь, когда вижу вас, но жизнь кончена, ах какая тоска».

В стареющем Элвисе — сладкий привкус неудачи, проигрыша, но достойного, «с прошлым», и именно это работает. Это будит в женщине жалость и нежность, которые и держат потом надежнее бурного восторга, вызванного сладкой победительной мордашкой юного Элвиса, знающего пока только успех.

Юный Элвис снисходил до женщин, пожилой требовал снисхождения к себе — и срывал банк, сам того не зная. Пьяный, отвратительный, потрепанный, потерявший красоту и приобретший обаяние и трагизм зрелости. Впрочем, не зрелости — увядания. Потому что зрелости у таких людей не бывает. Сразу — старость, пегие усишки, мешки под глазами, пигментные пятна на руках, залихватские замашки были-и-мы-рысаками...

Но когда элвисы заводят густыми, надтреснутыми голосами: «Лав ми тендер», — люби меня, то есть, нежно, — ты любишь их. Любишь вот таких, несмотря ни на что. Любишь истаявший шоколад. Испытываешь брезгливость — и все же слизываешь с пальцев, жмурясь, — а он, такой, в тысячу раз на самом деле вкуснее, чем твердая плитка только что с конвейера.

● Леся ОРЛОВА